

ПРАВА

УДК 347(4)

Е. Ф. ДОВГАНЬ

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ ОБОРОТЕ

Международный университет «МИТСО», Минск, Беларусь, e-mail: alena.f.douhan@gmail.com

Применение Европейским союзом ограничительных мер к физическим и юридическим лицам, в первую очередь в форме замораживания счетов, препятствует выполнению ими своих обязательств в договорно-правовом обороте и способно нанести серьезный ущерб контрагентам, а также интересам государства. Раскрываются понятие и характеристики обстоятельств непреодолимой силы, выявляется специфика ограничительных мер Европейским союзом, дается оценка возможности ссылаться на введение Европейским союзом ограничительных мер как обстоятельство непреодолимой силы.

Ключевые слова: обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажор, Европейский союз, ограничительные меры, санкции, субъекты хозяйствования.

A. F. DOUHAN

EUROPEAN UNION RESTRICTIVE MEASURES AS FORCE MAJEURE IN THE CIVIL AND LEGISLATIVE TURNOVER

International University «MITSO», Minsk, Belarus, e-mail: alena.f.douhan@gmail.com

Application of restrictive measures by the EU to natural and legal persons, on the first hand in the form of freezing assets, prevents their fulfillment of contracts obligations, is able to infringe interests of their counteragents as well as states.

This article focuses to the notion and characteristics of force majeure in contract law, determines specifics of the EU restrictive measures, and assesses possibility to view these measures as force majeure in civil litigation.

Keywords: force majeure, European Union, restrictive measures, sanctions, legal persons.

Добросовестность исполнения частноправовых договоров является одной из основ гражданского законодательства Республики Беларусь (Гражданский кодекс Республики Беларусь, ст. 2) (далее – ГК). Вместе с тем в отдельных случаях исполнение обязательств хозяйствующими субъектами не представляется возможным не только из-за их недобросовестности либо наступления классических обстоятельств непреодолимой силы, таких как стихийные бедствия или военные действия, но и, например, в связи с применением ограничительных мер Европейским союзом (далее – ЕС).

Такие меры активно вводятся ЕС в своей практике и распространяются на широкий круг государств, физических и юридических лиц. В частности, до недавнего времени ограничительные меры ЕС применялись в отношении около 300 граждан Республики Беларусь.

Поскольку политика ЕС в части введения ограничительных мер до настоящего времени концептуально не изменилась, а их действие часто непосредственно направлено на физических и юридических лиц, исследование проблемы оценки ограничительных мер ЕС как обстоятельств непреодолимой силы представляется весьма актуальным.

Проблема применения обстоятельств непреодолимой силы в гражданско-правовом обороте активно обсуждается в доктрине гражданского и международного частного права. Например, С. В. Войцеховская [1], Т. И. Мельник [2], Я. И. Функ [3–5] исследовали различные аспекты

и модальности ссылки на обстоятельства непреодолимой силы в судах Республики Беларусь. С. В. Войцеховская даже упоминала запрет торговли в результате международных санкций в качестве обстоятельства непреодолимой силы [1]. Ограничительные меры ЕС также исследуются в доктрине международного права. Вместе с тем имеющиеся работы весьма немногочисленны (А. В. де Врайс, Х. Хазельзет (сотрудники секретариата ЕС), М. Эрикссон, И. Кэмерон (Швеция) и др. [6]) и направлены в первую очередь на повышение их эффективности в рамках внешней политики и политики безопасности ЕС.

Следует отметить, что традиционно законодательство государств не содержит исчерпывающего перечня обстоятельств непреодолимой силы. Перечни упоминаемых обстоятельств могут изменяться в зависимости от сферы регулирования нормативного правового акта. Перечисляемые в нормативных правовых актах явления носят вспомогательный характер при решении вопроса о квалификации конкретных событий в качестве форс-мажорных обстоятельств в конкретных ситуациях. В связи с этим актуальным представляется выявление объективных критериев, позволяющих определить, в какой мере те или иные обстоятельства могут считаться чрезвычайными и непредотвратимыми в отношении конкретного вида хозяйственной деятельности.

К последним на основании изложенных выше фактов и обстоятельств можно отнести следующие:

- наличие непосредственной причинно-следственной связи между чрезвычайной ситуацией и невозможностью исполнения обязательств;

- возникновение обстоятельств после заключения договора;

- чрезвычайный характер обстоятельств – невозможность их предвидеть и предотвратить.

В момент заключения договора стороны должны полагать, что обстоятельства не изменятся при необходимой степени добросовестности и осмотрительности, которую сторона должна продемонстрировать в соответствии с характером договора и условиями гражданско-правового оборота;

- неотвратимость наступления неблагоприятных последствий – невозможность разумно ожидать, что сторона предпримет меры, способные предотвратить наступление таких последствий или минимизировать их;

- непричастность стороны к созданию ситуации форс-мажора;

- добросовестное принятие стороной разумно ожидаемых мер для выполнения своих обязательств надлежащим образом и предотвращения возможных рисков (например, страхование валютных рисков);

- надлежащее документальное подтверждение наступления обстоятельств непреодолимой силы.

В целом в доктрине обстоятельства непреодолимой силы делят на две или три группы. Например, С. В. Войцеховская различает непреодолимую силу как таковую и юридический форс-мажор. К последнему она относит решения высших государственных органов, забастовки, войны, революции и т. д. [1]. С. В. Овсейко выделяет помимо стихийных бедствий обстоятельства непреодолимой силы социального характера (войны, революции, восстания, перевороты) и юридический форс-мажор (принятие компетентными органами запретов, ограничений, мораториев) [7]. Таким образом, издание уполномоченными органами властных актов обычно признается в доктрине в качестве обстоятельства, исключающего ответственность за невыполнение обязательств хозяйствующими субъектами.

Ограничительные меры или санкции международных организаций, в том числе ЕС, прямо не упоминаются в качестве обстоятельств непреодолимой силы ни в нормативных правовых актах Республики Беларусь, ни в типовых оговорках относительно наступления форс-мажора, ни в доктрине. Указанные выше упоминания моратория или санкций не учитывают условия и специфику введения таких явлений, равно как их воздействие на гражданско-правовой оборот. В связи с довольно новым характером данного явления, а также его непосредственным воздействием на физических и юридических лиц представляется необходимым определить, что представляют собой ограничительные меры ЕС.

История ограничительных мер (санкций) ЕС отсчитывается с 1965 г., когда санкции ООН против Родезии совместно имплементировались государствами-членами Европейского экономического сообщества [8, с. 8–13]. В настоящее время основания, формы, процедуры введения

и имплементации ограничительных мер ЕС регулируются Руководством по применению и оценке ограничительных мер (санкций) в рамках общей внешней политики и политики безопасности ЕС от 02.12.2005 г. [9] (далее – Руководство), Практикой ЕС для эффективной имплементации ограничительных мер от 24.04.2008 г. [10] (далее – Практика) и Основными принципами использования ограничительных мер (санкций) от 07.06.2004 г. [11] (далее – Принципы).

Ограничительные меры (санкции) вводятся ЕС в рамках совместной внешней политики и политики безопасности (Руководство, п. 7) на основании принимаемых Советом ЕС регламентов, решений и общих позиций (Договор о функционировании ЕС, ст. 215 [12]; Руководство, п. 7). Санкции ЕС могут быть направлены против третьих стран, физических лиц и организаций (Договор о функционировании ЕС, ст. 215; Руководство, п. 2, 4, 7) с тем, чтобы внести изменения в их политику и деятельность (Руководство, п. 4). Санкции в отношении государственных служащих высшего уровня, «ответственных за политику и деятельность государства», направлены на изменение политики государства в целом (Руководство, п. 14, 18, решение Совета ЕС 2010/639/CFSP от 25.10.2010 г., ст. 2(1c)) или их собственной деятельности (решение Совета ЕС 2010/639/CFSP, ст. 2(1d)).

Типы применяемых ЕС к негосударственным акторам санкций включают: эмбарго на поставку оружия; ограничения на товары двойного назначения и другие специфические виды экспорта и импорта; ограничения на въезд (запрет выдачи виз или въезда); финансовые ограничения; дипломатические санкции; бойкотирование спортивных или культурных мероприятий; приостановление сотрудничества с третьими государствами (Руководство, п. 15, ч. III; Принципы, п. 6), т. е. соответствуют тем, которые применяются Советом Безопасности ООН.

Санкции имплементируются в зависимости от вида на уровне государств (эмбарго на поставку оружия, ограничения на въезд) либо Союза (торговые и финансовые санкции, ограничения свободы полетов) [13, с. 109; 642, с. 6–7; 8, с. 96–97] в зависимости от того, к компетенции какого субъекта (ЕС или государств) они относятся (Договор о функционировании ЕС, ст. 3) [14, с. 40–42].

Следует также иметь в виду, что санкции ЕС достаточно неоднородны. Они могут быть направлены на борьбу с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения; ликвидацию угрозы международному миру и безопасности; поддержание уважения к правам человека, демократии, верховенству права и законного управления (Ограничительные меры (санкции) ЕС [15]) [13, с. 109; 8, с. 4, 14]. Поэтому в зависимости от преследуемых целей и правовых оснований введения их представляется возможным разделить на три основных группы:

- 1) меры, предпринимаемые для имплементации санкций Совета Безопасности ООН;
- 2) независимые ограничительные меры ЕС, направленные на борьбу с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, а также поддержание международного мира и безопасности;
- 3) независимые ограничительные меры ЕС, направленные на поощрение и защиту прав человека, обеспечение демократии, верховенства права и справедливого управления.

Меры, предпринимаемые для имплементации резолюций Совета Безопасности ООН, должны осуществляться в предписанном в них порядке и объеме и распространяться на перечисленных в них лиц. В отношении иных лиц и ситуаций следует отметить, что, несмотря на закрепленное в учредительных документах ЕС право Союза принимать ограничительные меры к государствам, физическим и юридическим лицам, такое право не является неограниченным. Право ЕС (как автономный режим) в рамках международного права не может ему противоречить, поскольку в этом случае будет представлять собой нарушение императивных норм международного права (Выводы Комиссии международного права ООН по фрагментации 2006 г., п. 10, 11, 14) [16]. В целом на деятельность региональных организаций, включая ЕС, налагаются стандартные ограничения. В отсутствие санкции Совета Безопасности ООН они могут предпринимать только действия, которые не представляют собой нарушения международных обязательств государств-членов ЕС, либо если противоправность таких деяний исключается в отношении всех государств-членов в соответствии с международным правом.

Формально вопрос о правомерности принятия актов, которые могут рассматриваться как юридический форс-мажор, не влияет на наступление обстоятельств непреодолимой силы, тем

более, что в данном случае суды Республики Беларусь не уполномочены давать оценку правомерности актов международных организаций и иных государств. Вместе с тем сомнения в правомерности таких актов ставят вопросы относительно соблюдения критериев непреодолимой силы.

Следует также отметить, что акты органов ЕС о применении ограничительных мер обязательны лишь для членов ЕС, поэтому в части ссылки на обстоятельства непреодолимой силы мы можем говорить только о событиях, происходящих на территории ЕС, таких как замораживание счетов или имущества, невозможность поставки товаров в связи с этим и т. д.

Учитывая распределение полномочий между ЕС и государствами-членами, эмбарго на поставку оружия, ограничения на въезд, как отмечалось выше, имплементируются самими членами ЕС на уровне государств, а торговые и финансовые санкции, ограничения свободы полетов – Союзом. Соответственно, в зависимости от вида различные формы актов будут служить основанием ссылки на наступление обстоятельств непреодолимой силы. В случае торговых и финансовых санкций и ограничения свободы полетов, когда решения принимаются ЕС и подлежат непосредственному применению физическими и юридическими лицами государств-членов, невозможность исполнения будет наступать уже в силу принятия ЕС таких актов. В иных случаях (эмбарго на поставку оружия, ограничения на въезд) акты ЕС не будут создавать непосредственно обязательств для физических и юридических лиц, поэтому основанием невозможности исполнения будут являться акты государств-членов ЕС.

Следует, однако, отметить, что принятие ЕС актов о введении ограничительных мер в этом случае все же будет иметь некоторые правовые последствия. Учитывая, что регламенты и решения ЕС обязательны для государств-членов (после принятия решения о введении ограничительных мер ЕС в отношении отдельных физических и юридических лиц, но до принятия соответствующих актов государствами-членами), невозможность исполнения становится предвидимой.

Если обратиться к критериям обстоятельств непреодолимой силы, то в случае невыполнения обязательств лицом – контрагентом хозяйствующего субъекта, являющегося объектом ограничительных мер, наличие непосредственной причинно-следственной связи между чрезвычайной ситуацией и невозможностью исполнения обязательств, а также чрезвычайный характер обстоятельств и невозможность их предотвратить, равно как непричастность лица к введению против контрагента ограничительных мер, не подвергаются сомнению. Вместе с тем в законодательстве и доктрине нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника наряду с отсутствием на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствием у должника необходимых денежных средств (ГК Российской Федерации, ст. 401(3); ГК Республики Казахстан, ст. 359(2)) традиционно относится к коммерческим рискам и не влечет освобождения лица от ответственности.

В связи с этим вопрос о возможности ссылаться на применение ограничительных мер как обстоятельство непреодолимой силы в связи с невыполнением обязательств по сделке должен быть разрешен только в отношении лиц, против которых введены такие меры.

Объективные критерии в данном случае соблюдены в полной мере: имеется документ, в результате принятия которого исполнение обязательств становится невозможным; в наличии непосредственная причинно-следственная связь между чрезвычайной ситуацией и невозможностью исполнения обязательств; невозможность исполнения возникла после заключения договора, за исключением указанного выше случая заключения договора уже после принятия ЕС регламента о введении ограничительных мер; чрезвычайный характер обстоятельств и их неотвратимость.

Вопрос возникает лишь в отношении субъективного критерия, а именно: должен ли факт введения ограничительных мер в качестве наказания за какие-либо негативно оцениваемые ЕС деяния, о чем свидетельствуют и формулировки при введении таких мер к лицам, «ответственным за...» [18; с. 798], рассматриваться как причастность данного лица к созданию обстоятельств непреодолимой силы?

В большинстве случаев ограничительные меры применяются ЕС к лицам, прямо обвиняемым в совершении серьезных преступлений, включая «серьезные нарушения прав человека»; «карательные меры в отношении гражданского общества» (решение Совета ЕС 2010/639/CFSP от 25.10.2010 г.); подрыв «суверенитета, территориальной целостности, конституционного порядка и международной правосубъектности» государства (решение Совета ЕС 2011/173/CFSP от

21.03.2011 г.), «укрывательство, финансирование, оказание помощи, поддержку, организацию, подготовку или подстрекательство лиц и групп лиц к совершению актов насилия или против другого государства или его граждан» (решение Совета ЕС 2010/127/CFSP от 01.03.2010 г.).

Иные лица – «физические и юридические лица, учреждения и образования, связанные с ними» (решение Совета ЕС 2010/639/CFSP), «лица и образования, получающие выгоду или поддерживающие ... режим» (решение Совета ЕС 2012/36/CFSP от 23.01.2012 г.), лица, ответственные за «подрыв ... соглашения» (решение Совета ЕС 2011/173/CFSP от 21.03.2011 г.), «нецелевое использование государственных фондов» (решение Совета ЕС 2011/172/CFSP от 21.03.2011 г.), – включены в списки и, как следствие, наказываются за деяния, которые не являются преступными по законодательству какого бы то ни было государства, включая страны ЕС.

Следует также иметь в виду, что санкции ЕС весьма часто являются политически мотивированными. При этом ЕС отказывает лицам в возможности защиты своей репутации, равно как и иных, затрагиваемых введением ограничительных мер прав, ссылаясь на административный, а не на уголовный характер введения санкций (решение Суда ЕС по делу Моджахедины 2006 г., п. 77 [18]). Вместе с тем представляется, что возможность квалификации применения ограничительных мер в качестве административной процедуры весьма сомнительна, поскольку, во-первых, основание введения таких мер в первом случае представляет собой серьезные преступления, а во-вторых, не представляет нарушения законодательства вообще. Помимо этого, административные взыскания обычно налагаются самим государством за деяния, совершенные на его территории либо при определенных условиях в отношении своих граждан, за деяния, совершенные за рубежом (см., например, ст. 1.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21.04.2003 г.), что не имеет места в данном случае. Более того, основания введения ограничительных мер во втором случае весьма расплывчаты. Например, любое лицо, уплачивая налоги, тем самым финансово поддерживает государство, равно как получает от него выгоды, пользуясь медицинской помощью, коммунальными услугами, защитой со стороны органов правопорядка. Как следствие, введение ограничительных мер ЕС без соблюдения какой бы то ни было судебной процедуры не может рассматриваться в качестве административного взыскания.

Порочность введения ограничительных мер ЕС в сложившихся условиях широко признается и осуждается на международном уровне (Меморандум Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 11454 от 17.11.2007 г., п. 86–95 [19]; резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1597(2008) от 23.01.2008 г., п. 6 [20], решения Суда ЕС по делам Кади I, 2005 г., п. 230 [21]; Юсуф и аль Баракаат 2005 г., п. 281 [22]; Кади II, 2013 г., п. 133 [23]).

Таким образом, в случае если лицо ссылается в суде Республики Беларусь на невозможность выполнения обязательств по сделке в связи с введением в отношении него ограничительных мер ЕС, суду будет весьма непросто определить, было ли данное лицо причастным к наступлению обстоятельств непреодолимой силы, могло ли оно их предвидеть и предотвратить.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы. Невозможность исполнения обязательств в связи с применением ЕС ограничительных мер сама по себе является обстоятельством непреодолимой силы в случае, если вводимые меры входят в исключительную компетенцию ЕС, т. е. включают финансовые, торговые санкции, запрет на полеты. В иных случаях (запрет на въезд, эмбарго) в качестве такого основания выступают акты государств-членов ЕС, направленные на выполнение регламентов Союза. Соответствующие акты будут являться и документальным подтверждением невозможности исполнения.

Лицо, не выполнившее его обязательство в связи с введением ограничительных мер против контрагента или иного лица, не может ссылаться на такое решение, как обстоятельство непреодолимой силы, поскольку такие действия традиционно относятся к коммерческим рискам.

В случае если обязательства не могут быть выполнены лицом – объектом ограничительных мер, ситуация весьма проблематична. Формально такое лицо не может предотвратить наступление обстоятельств непреодолимой силы, а в отдельных случаях может и не способствовать их созданию и даже не предвидеть их, поскольку процедура судебного или квазисудебного разбирательства при введении ограничительных мер ЕС отсутствует, а сами меры часто вводятся за

деяния, которые не представляют собой ни уголовное преступление, ни административное правонарушение.

Теоретически ст. 275 Договора о функционировании ЕС закрепляет возможность обжаловать правомерность применения ограничительных мер к отдельным физическим и юридическим лицам в Суд ЕС (к настоящему моменту рассмотрено около 30 дел). В то же время Суд признает достаточным средством правовой защиты наличие права государства обжаловать в Суд ЕС меры, введенные против его гражданина (решения по делам Кади I, 2005 г., п. 261–291 [21]; Юсуф и аль Баракаат, 2005 г., п. 309–346 [22]), либо представление лицом письменного возражения (решение по делу Моджахедины 2006 г., п. 69 [18]), а сама процедура обжалования весьма дорогостоящая и длительная.

В связи с отсутствием в ЕС действенного механизма рассмотрения дел лиц, в отношении которых вводятся ограничительные меры, а часто и отсутствия оснований (уголовное преступление или административное правонарушение), равно как юрисдикции Суда (деятельность гражданина государства, не являющегося членом ЕС, на территории своего государства), возможной политической подоплеки введения ЕС таких ограничительных мер, а также малой эффективности механизмов обжалования, суды Республики Беларусь будут вынуждены в каждом случае принимать решение относительно того, могут ли акты, принимаемые государствами-членами ЕС во исполнение регламентов ЕС, либо сами такие регламенты рассматриваться в качестве обстоятельств непреодолимой силы в гражданско-правовом обороте.

При решении данного вопроса суд может руководствоваться лишь тем, чье решение (государств или ЕС) создает правовые последствия, т. е. вводит непосредственно ограничительные меры в зависимости от распределения компетенций между ЕС и его государствами-членами. Суды Республики Беларусь не обладают полномочиями по оценке правомерности актов ЕС или государств-членов ЕС, несмотря на то, что в случае неправомочности введения ограничительных мер непричастность лица к созданию обстоятельств непреодолимой силы становится очевидной. В результате введение ограничительных мер ЕС не должно рассматриваться *a priori* как доказывающее причастность лица к созданию обстоятельств непреодолимой силы либо возможность предвидеть или предупредить такие действия, за исключением случаев, когда сделка была заключена в период между принятием регламента о введении ограничительных мер ЕС и акта государства в вопросах, входящих во внутреннюю компетенцию государств-членов ЕС (эмбарго на поставку оружия, ограничения на въезд).

Список использованной литературы

1. Войцеховская, С. В. Освобождение от ответственности продавца (исполнителя) вследствие наступления обстоятельств непреодолимой силы [Электронный ресурс] / С. В. Войцеховская // КонсультантПлюс. Беларусь / Комментарии законодательства. Технология Проф. – Минск, 2015.
2. Мельник, Т. И. Обстоятельства непреодолимой силы и затруднительные условия. Применение хозяйственными судами Республики Беларусь конструкций форс-мажора и изменения (расторжения) договора в связи с существенно изменившимися обстоятельствами [Электронный ресурс] / Т. И. Мельник // КонсультантПлюс. Беларусь / Комментарии законодательства. Технология Проф. – Минск, 2015.
3. Функ, Я. И. Об иных последствиях обстоятельства непреодолимой силы по праву Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Я. И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / Комментарии законодательства. Технология Проф. – Минск, 2015.
4. Функ, Я. И. О регулировании гражданским законодательством Республики Беларусь освобождения от ответственности вследствие обстоятельств непреодолимой силы (часть 1) [Электронный ресурс] / Я. И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / Комментарии законодательства. Технология Проф. – Минск, 2015.
5. Функ, Я. И. О регулировании гражданским законодательством Республики Беларусь освобождения от ответственности вследствие обстоятельств непреодолимой силы (часть 2) [Электронный ресурс] / Я. И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / Комментарии законодательства. Технология Проф. – Минск, 2015.
6. International sanctions: between words and wars in the global system / T. J. Biersteker [et al.] ; ed. by P. Wallensteen, C. Staibano. – London : Frank Cass, 2005. – xvii, 251 p.
7. Овсейко, С. В. Форс-мажор: понятие и оговорки [Электронный ресурс] / С. В. Овсейко // КонсультантПлюс. Беларусь / Комментарии законодательства. Технология Проф. – Минск, 2015.
8. Kreutz, J. Hard measures by a soft power? Sanctions policy of the European Union / J. Kreutz // Bonn Intern. Center for Conversation Paper. – 2005. – Paper 45. – P. 1–50.

9. Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU common foreign and security policy : Brussels, 2 Dec. 2005, 15114/05 [Electronic resource] // Council of the European Union. – Mode of access: http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/05/st15/st15114_en05.pdf. – Date of access: 05.12.2015.
10. Update of the EU Best Practices for the effective implementation of restrictive measures : Brussels, 24 Apr. 2008, 8666/1/08 REV 1 [Electronic resource] // European Union. – Mode of access: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/08/st08/st08666-re01-en08.pdf>. – Date of access: 05.12.2015.
11. Basic principles of the use of restrictive measures (sanctions) : Brussels, 7 June 2004, 10198/1/04 Rev. 1 [Electronic resource] // Council of the European Union. – Mode of access: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/04/st10/st10198-re01-en04.pdf>. – Date of access: 05.12.2015.
12. Treaty on the functioning of the European Union // Offic. J. of the Europ. Union. – 2008. – Vol. 51. – P. 47–200.
13. Eriksson, M. EU sanctions: three cases of targeted sanctions / M. Eriksson // International sanctions: between words and wars in the global system ; ed. by P. Wallenstein, C. Staibano. – London, 2005. – P. 108–125.
14. Kuijper, P.-J. Implementation of binding Security Council resolutions by the EU/EC // Review of the Security Council by member states ; ed. by E. de Wet, A. Nollkaemper. – Antwerp, 2003. – P. 39–55.
15. Restrictive measures (sanctions) in force : Europ. Commiss., updated 30 Sep. 2015 [Electronic resource] // European Union. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/cfsp/sanctions/docs/measures_en.pdf. – Date of access: 14.01.2016.
16. Fragmentation of international law: difficulties arising from the diversification and expansion of international law : rep. of the Study Group of the Intern. Law Commiss., 13 Apr. 2006, A/CN.4/L.682 [Electronic resource] // United Nations. – Mode of access: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G06/610/77/PDF/G0661077.pdf?OpenElement>. – Date of access: 20.12.2015.
17. Herik, L. van den. The Security Council's targeted sanctions regimes / L. van den Herik // Leiden J. of Intern. Law. – 2007. – Vol. 20. – P. 797–807.
18. Organisation des Modjahedines du peuple d'Iran v Council of the European Union : case T-228/02 [Electronic resource] // Judgment of the Court of 1st Instance (2nd Chamber), 12 Dec. 2006. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62002A0228:EN:HTML>. – Date of access: 05.10.2013.
19. United Nations Security Council and European Union blacklists [Electronic resource] // rep. of the Comm. on Legal Affairs a. Human Rights, 16 Nov. 2007, Doc 11454. – Mode of access: <http://assembly.coe.int/main.asp?Link=/documents/workingdocs/doc07/edoc11454.htm>. – Date of access: 15.08.2011.
20. Resolution 1597 (2008) United Nations Security Council and European Union blacklists [Electronic resource] // PACE. – Mode of access: <http://www.assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta08/ERES1597.htm>. – Date of access: 15.08.2015.
21. Yassin Abdullah Kadi v. Council of the European Union and Commission of the European Communities : case T 315/01, 21 Sept. 2005 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62001A0315:EN:HTML>. – Date of access: 10.12.2015.
22. Ahmed Ali Yusuf and Al Barakaat International Foundation v. Council and Commission of the European Communities : case T-306/01, 21 Sept. 2005 [Electronic resource] // Eur-Lex. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62001A0306:EN:HTML>. – Date of access: 10.12.2015.
23. Judgement of the Court (Grand Chamber) Yassin Abdullah Kadi v. Council of the European Union and Commission of the European Communities: 18 July 2013 [Electronic resource] // Court of Justice of the European Union. – Mode of access: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=139745&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1914364>. – Date of access: 02.09.2013.

Поступила в редакцию 02.02.2016